

около монастыря Троицы (Плевле в Герцеговине). Монастырь же этот был одним из видных центров поздней (XVI—XVII вв.) сербской книжности, обладал, повидимому, значительным собранием рукописей, остатки которого сохранились и до наших дней. Среди этих рукописей, весьма возможно, были рукописи русские или списанные с русских, которыми и мог пользоваться Гавриил инок.¹

IX

Прослеживая рукописную традицию повести почти со времени ее появления, мы замечаем прежде всего одну особенность этой традиции: в большинстве случаев повесть оказывается соединенной со сказанием о начале и построении Царьграда. Едва ли это случайность. Повидимому, составитель (или редактор?) повести смотрел на сказание, как на своего рода введение к своей основной теме — рассказу о взятии Константинополя турками. Он хотел не только рассказать о конце Царьграда, но и объяснить, почему Царьград постигла такая страшная участь. Согласно своим воззрениям, как то было указано выше, причину этого он видел в прошлом Царьграда — в беззакониях греков, которые лишили город покровительства и заступничества свыше и заставили высшую волю покарать столицу за эти беззакония. Поэтому он обратился для объяснения падения Царьграда к прошлому, связал рассказ о падении с историей города. Противопоставление прежнего величия города, пышно расцветшего под покровительством свыше, и жалкого его состояния в последнее время, давшего Магомету возможность окончательного завоевания, определило содержание сказания. Отсюда — те точки соприкосновения между повестью и сказанием, на которые мною было обращено внимание выше.

Возможно предположить, что составитель повести был в то же время автором или по крайней мере редактором сказания: этим объясняется, что они в комплексах и в отдельном виде встречаются вместе² и вместе вошли в Хронограф, где, будь сказание совершенно отдельной, не связанной с повестью статьей, оно должно было быть помещено раньше — где-нибудь среди статей, относящихся к Константину Великому (например, среди глав 118 и 119 Хронографа редакций 1512 года); здесь же оно нарушало хронологическую последовательность, план самого Хронографа.

Принадлежит ли автору повести составление сказания, или только редакция, связь повести со сказанием представляется весьма вероятной. Автору повести принадлежит, видимо, последняя часть сказания (приблизительно со слов: «Но убо понеже естество наше тяжкосердо и нерадиво...», стр. 6 издания Леонида — Троицк. 773).³ Она была бы непонятна без последующего рассказа о несчастиях, постигавших Царьград, и о самом большом — завоевании его. Повествовательная же часть сказания (введение христианства, решение Константина построить город «в свое имя», поиски места, «знамение» при закладке города, постройки Константина, посвящение им города богородице, расширение и застройка) составлена из отдельных эпизодов, слабо между собою связан-

¹ Остатки библиотеки монастыря Плевле были перенесены в Белград в Народную библиотеку. Вероятно, там же Гавриилом иноком, несомненно искусным каллиграфом, писана в 1648 году псалтырь, попавшая в собрание Шафарика (№ 5), а в 1649 году им же — роскошный лицевой список (с русского оригинала) Топографии Козьмы Индикоплова (о нем см.: Известия по русскому языку и словесности АН СССР, Л., 1929, т. II, кн. 2, стр. 711 и В. Ягић и В. Молле. Козма Индикоплов. — «Споменник Српској Акад. Другипризред, књ. 38. Београд, 1922).

² Как это видим в Троицк. 773, здесь сказание и повесть помещены среди статей, к ним сращения не имеющих: перед ними — «Житие» Феодора Эдесского, его же «Главы добродетельны», а за ними — «Песнь песней» и «Притчи» Соломона.

³ Леонид. Повесть о Царьграде Нестора Искандера XV века, стр. 6.